

МУДРЕЦ

БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

В советское время многие люди, заглаженные системой в угол, становились философами. Но как только пали оковы, вместе с ними пала и философия, и большинство подпольных мудрецов, вышедших с речью к народу, оказались обыкновенными крикливыми занудами, обвиняющими и негодующими. Не таков московский поэт Дмитрий Александрович Пригов. Слов гнева или жалобы от него не услышишь, и нет такой вещи, которую он не мог бы понять и принять.

Народ с одной понятен стороны,
С другой же стороны он непонятен.
И все зависит от того,
С какой пойдешь ты стороны —
С той, что понятен он
Иль с той, что непонятен.
А ты ему с любой понятен сторон
Или с любой ему ты непонятен.
Ты окружен
И у тебя нет стороны,
Чтобы понятен был,
С другой же непонятен.

Активность Дмитрия Александровича необычайна, много лет он действует как литератор, художник и актер, теоретик и практик, широко известный в элитных культурных кругах на Родине и вне ее. В последний месяц он обратил свое внимание на наш город: местные любители культуры могли наслаждаться его искусством по крайней мере четырежды: на шоу Курехина в Октябрьском, в Русском музее, где открылась его персональная выставка, во время авторского вечера в ставке "Митков" и на Фестивале свободных искусств в Балтийском доме.

Смена. - С. Пб.
1994. - 29 окт.
с. 4.

- Дмитрий Александрович, сегодня Вы - одна из несомненных российских культурных звезд. Но так было не всегда, до этого прошла большая жизнь...

- Все начинают с того, что рождаются, потом школа, был пионером. Один из самых интересных проектов,

который посетил меня в пионерском возрасте: мы с приятелем решили организовать "Отряд защиты Сталина от нападения иноземных террористов". Мы составили список людей, которых привлечем к этому, список держав, против которых мы ведем борьбу, список охраняемых объектов. Мы по классической схеме охраняли - все-таки были образованными людьми - мосты, телеграф и так далее. Врагов мы решили сразу убивать. Мы должны были стоять ночами, караулить и всех подозреваемых людей выслеживать и уничтожать. Это был 1951 год.

- А как все было дальше?

- А дальше я ничем не занимался, было скучно и я пошел в Дом пионеров записываться в авиамоделльный кружок. Но мест там уже не было, и я записался в кружок скульптуры, да так и остался, втянулся. Я рутину люблю.

- Если Вы любите рутину, значит нынешние времена Вам не по душе?

- Рутину я для себя специально сам сохраняю. У меня есть норма - я каждый день должен 7 часов рисовать. Я ночью сижу и рисую монстров. То есть портреты рисую вполне нормальных людей. Например, портрет Кутузова с Наполеоном на плече, Бухарина со Сталиным на плече, Арафата с Рабиным. Очень долго, кропотливо рисую. Это своего рода психотерапия. И 4 стихотворения в день я пишу. Это норма, которая держит жизнь. Иначе все бы рассыпалось. И потом у меня нет другого способа убивать время. Я разучился что-либо делать.

- Разучившись что-либо делать, Вы чрезвычайно успешно делаете себе карьеру. Как это у Вас получается?

- Это вещь очень странная. Я никогда не мог понять, как это может быть интересно кому-либо, кроме меня. Просто случайно в какой-то момент интересы общества совпали с тем, что я делаю. Я был человек маргинальный, укрытый и частный, я натолкнулся на эту глупую тему...

- Какую?

- Ну вот советскую...

- Случайно натолкнулись на Родину?

- Ну да, да... Люди занимались серьезными делами, а когда все серьезные дела благодаря Перестройке порушились, все стали интересоваться вещами легкомысленными, которые отталкивают от тягот жизни. А так как я этим раньше других занимался, стали использовать мой опыт.

- Сегодня многие художники испытывают ностальгию по советской эпохе. Художник осуществляется в диалоге с империей, это сообщало искусству смысл и пафос, а теперь это ушло.

- А у меня как раз ностальгия была в те времена, когда Советская власть существовала и я чувствовал ее близкий конец, и был потоп ностальгии и тоски. А сейчас я уже отжил эти настроения.

- А какие у Вас сейчас настроения?

- Я всегда грущу об уходе главных мифов эпохи. Вот скоро пройдут времена расцвета гомосексуальной культуры...

- Вы ей сочувствуете?

- Просто сочувствую. Еще есть миф о Святом рынке, либеральный...

- А к нему Вы как относитесь?

- Как к любому другому. Любой миф тоталитарен, в том числе либеральный, и я пытаюсь показать эти его амбиции. Я пишу стихи, как бы квинтэссенцию мифа, додумывая до конца его идеи, доводя их до абсурда.

- Есть такая версия: когда за слова убивали или хотя бы обижали, в них был высокий смысл, а сейчас не убивают, не обижают, даже премии дают и все обесценилось, художник из изыскателя высокой миссии превратился в некоего шоумена. Вам это не горько?

- Ну что поделаешь. Мировые проблемы в разное время решаются по-разному - то их разрешают жрецы, потом художники, потом кто-то еще. Ну вот такой пример: "Три мушкетера". Во времена Людовика XIII эти мушкетеры решали судьбу нации. А сейчас мушкетер самое большее - чемпион по этой сабле, а судьбу нации решают те, кого они высмеивали, - толстосумы, которые сидят и нажимают на кнопки.

- Каждое время выдвигает своих культурных героев. А

кто, по-вашему, герой нашего времени?

- Нынешние мифы - маленькие, и они выдвигают мелкие фигуры, которые не могут этот миф навязать, убедить людей...

- Ну мне лично недавние успехи АО МММ кажутся вполне убедительными, хотя, может, и некрутыми. Во всяком случае они вполне мифические. А рекламные ролики Булата Калибаева про Лену Голубкова и Марину Сергеевну я считаю бесспорными чемпионскими культурной ситуации 94-го года.

- Несомненно, это все очень хорошие вещи. Но в них как в искусстве нет уже ничего нового, потому что в постмодернизме (это такое искусство, которое смешивает все стили и жанры. - М.К.) давно разработана система игр художника с поп-материалом.

- Вы имеете в виду ситуацию, когда художник строит произведение из обыденных штампов, сознательно заимствуя приемы из арсенала "низких" жанров - фильмов опер, "костюмных" фильмов и тому подобного?

- Да-да. А у нас просто не было всего этого - рекламы, клипмейкеров и прочего. А вообще, все эти рекламные сериалы - это совершенно отдельная культура, которая в следующем поколении, видимо "съест" и литературу и визуальное искусство. То есть не съест, а включит в себя в качестве компонентов.

- Вы вот говорите о мифах. А себя Вы можете отождествить с каким-либо мифом или группой, его исповедующей? Например, с московским концептуализмом?

(Концептуализм - это такое искусство, которое играет с идеями (концепциями), бытующими в обществе. Наиболее успешное направление постсоветского искусства. Особенно популярно в Москве. - М.К.)

- Я присутствовал при основании того, что называется ныне постмодернизмом, концептуализмом, соцдартом (соцарт - это искусство, обыгрывающее разные смешные реалии советского быта. - М.К.). Но у меня нет ощущения, что я основал некую неведомую, которая растет в цене и прочее. Если я что и основал, то все это столь эфемерно и необязательно, что я даже не понимаю, какие дивиденды это может мне принести.

- У московского концептуализма есть репутация чего-то необычайно высокого, умудренного, непоколебимого профанам. Но вот когда я захожу на Арбат и вижу этих матрешек "от Ленина до Ельцина" или липовые джинсы с

надписью на ширинке "Будь готов", мне кажется, что это - нормальное произведение соцарта, ничем по классу не уступающее работам, скажем, Кабакова. Просто другая тусовка это раскручивает, другой уровень разговора. Цена другая.

(Илья Кабаков - московский концептуалист, самый дорогой русский художник, по многим рейтингам на сегодня - один из самых преуспевающих художников мира. - М.К.)

- Всякий стиль или способ мышления со временем становится пошлым, в этом нет ничего страшного. Сначала художники, потом дизайнеры, потом это приходит в массы - так возникает народный промысел.

- Кажется, арбатские модели сами додумались, а не у концептуалистов подсмотрели.

- Кабаков отличается от тех, кто расписывает матрешки, не предметом и не качеством. Он отличается тем, что у него есть осмысленная художественная стратегия.

- А Вы могли бы сформулировать свою личную художественную стратегию?

- Я вообще не большой сторонник разрешения мировых проблем. Мировые проблемы решают великие люди. Это такой специальный тип людей. Вот, например, Солженицын, человек с великими, мировыми амбициями.

- А как Вам кажется, Солженицын отвечает своим амбициям?

- Ну а как же - человек завоевал весь мир! За его приездом в Россию, как за вездом в Иерусалим, следим. Можно обладать удивительным организаторским талантом, но не надо все-таки под кого-то организовывать такое шоу. Вот под меня десять компаний подряд - они такого шоу не устроят, потому что я в таком количестве миру неинтересен. А он миру интересен - это же великая вещь!

- Солженицын, видимо, последний персонаж российских интеллигентских святцев, соотечественник из жертв и мучеников советской поры. Вам не кажется, что эта роль уже отыграна?

- Он отыгрывал эту роль, но ее отыгрывали еще многие другие. А он перерос эту роль. Он выработал свой мощный миф, за которым интересно следить. Все когда-нибудь перерастает свое время. Вот в озере Холм Лох живет какое-то странное чудиче, хотя его время прошло. И вот человек сидит себя за компьютером, но потом бежит смотреть, как там это чудиче. Это же класс!

- Вы нарисовали его портрет? В серии монстров?

- У меня был его портрет, конеч-

но. В серии "Русская литература" - Русская литература вообще несет на себе печать мученичества. А Вас самого власти как-то обижали?

- Ну как!.. В КГБ вызывали, потом с улицы забрали в психушку. Ну было такое... Но по сравнению со страданиями людей, которые сидели в лагерях... Ничего особенного, неприятно, конечно... обыски там, и прокурорские предупреждения. Но слава Богу, не сел на долгий срок, и семья не разорилась, и до перестройки дожил в здравом уме. Так что мне грех жаловаться на то время. А компенсировалось это с лихвой. Это была определенная интрига, возбуждение, ажиотаж. Потом было ощущение некой собственной "номенклатурной" избранности. Нам дозволялось то, что не дозволялось массам. Например, ходили в посольства на приемы. И потом - я же не голодал! Мог работать дворником, почтальоном...

- А потом?

- А потом, когда рухнули все эти структуры, оказалось, что есть много людей, молодежи, которым хотелось как-то веселиться, узнавать что-то такое. И вот устраивались какие-то чтения, выступления, потом я в рок-группе участвовал - "Среднерусская возвышенность", масса представителей - вот с Курехиным, например...

- А потом, когда Вы стали выступать на Западе? Знаете, у меня ощущение, что русское искусство имеет там какой-то "этнографический" смысл. Россия занимает в мышлении Запада некое место, и оно должно быть занято какими-то именами, персонажами. А на самом деле иностранцы ничего в нас не понимают.

- Вообще, никто ничего понимать не обязан - это наши проблемы. Ведь и мы половину того, что они делают, не понимаем. Я на своем опыте знаю - сначала совсем ничего непонятно. Но постепенно, постепенно выстраивается контекст... Современное искусство настолько специально, его так тяжело понимать вообще... Главное - убедить часть публики в этом своем страшном существовании...

- Может быть, есть какие-то заветные слова, которые Вы скажете на прощание?

- Заветные? Можно, конечно, заводить титанам прошлого и настоящего, которые решали последние вопросы бытия. Я вот решаю предпоследние. Я должен показать публике, что все человеческие смыслы, которыми она пользуется, суть ее же изобретения. И вот только когда люди это поймут, они будут готовы к восприятию последней Истины - Истины Нечеловеческой.

Беседу вела
Марина КОЛДОБСКАЯ